

НАШ АРХИВ

Курьера. — 1993. — 8 апр. — С. 11

«ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНΙΑ» В БУЭНОС-АЙРЕСЕ

Перелистывая старую подшивку журнала «Ла семана», я обратил внимание на одну из фотографий. На ней был изображен кинотеатр «Гран Рекс», пожалуй, крупнейший в аргентинской столице, расположенный на Коррьентес, самой оживленной улице Буэнос-Айреса. Фронтон здания выглядел необычно. Вместо привычной рекламы, приглашающей на очередную кинопремьеру, — огромный транспарант, извещающий: «Дмитрий Шостакович: Седьмая симфония до мажор. Ленинград».

Транспарант объявлял о первом не только в Аргентине, но и во всей Латинской Америке исполнении одного из самых значительных произведений гениального композитора, состоявшемся 12 апреля 1943 года. Мне захотелось разыскать хотя бы одного участника того необыкновенного концерта. Как всегда, в таких случаях помогли местные журналисты. Они не только нашли такого человека, но и организовали с ним встречу. Это был Россендо Рохас, ныне известный музыковед, а в те годы студент музыкального училища в Буэнос-Айресе.

Мы встретились в кабинете Рохаса. Представившись, я прошу его поделиться своими впечатлениями от того отдаленного во времени вечера исполнения Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича, рассказать, как она попала в Аргентину.

— Задолго до концерта зрительный зал кинотеатра был переполнен, — начал мой собеседник. — Казалось, что в тот вечер в «Гран Рексе» собрался весь цвет аргентинской культуры. Здесь можно было встретить видных дирижеров Эриха Клайбера и Фрица Буша, композиторов Хайме Паиса, Луиса Джаннео, Онорио Сиккарди, драматургов, актеров, музыкантов, ведущих писателей, журналистов.

Ровно в девять часов поднимается занавес. Стоявший у дирижерского пюльта Хуан Хосе Кастро приветствует зрителей, представляет оркестр. Затем взмахивает палочкой — и звучат первые аккорды симфонии.

— Мне бы не хотелось подробно говорить об этом произведении, — замечает Рохас. — Оно хорошо известно во всем мире и не нуждается ни в представлении, ни в разъяснении. Но не могу не сказать вот о чем. Даже сейчас, спустя столько десятилетий, мне трудно передать словами то чувство, которое я испытал, слушая симфонию впервые... «Аргентинец на мгновение замолкает, как бы переносится в тот далекий вечер, затем продолжает».

— Это было ощущение грандиозности замысла автора и восхищения гениальностью его воплощения. Всем понимающим и чувствующим музыку было ясно, что они присутствуют при рождении музыкального чуда. Мы знали, что симфония посвящена героическим защитникам Ленинграда, пережившим страшную блокаду. Но вместе с тем чувствовали, что это и гимн мужеству и ге-

роизму всего советского народа, гимна, в котором отчетливо звучала уверенность в его победе...

— Вас интересует, как родилась идея исполнить симфонию в Буэнос-Айресе? — переспрашивает меня Россендо Рохас. — Вопрос этот далеко не случайный. Дело в том, что в те времена сама мысль исполнить произведение советского композитора в аргентинской столице была в высшей степени смелой. Ведь в первые годы войны Аргентина официально придерживалась позиции так называемого активного нейтралитета, а, по сути дела, была на стороне фашистской Германии. Аргентинское правительство тех лет возглавлял Кастильо, который симпатизировал нацистам, оказывал им моральную и материальную поддержку. Высшее военное командование во главе с министром обороны полностью солидаризировалось с Гитлером, сочувствовало ему и, естественно, желало поражения антигитлеровской коалиции, и в первую очередь Советского Союза.

Сейчас трудно сказать, почему власти все же разрешили исполнить симфонию, антифашистское звучание которой не вызывало никакого сомнения. Не исключено, что в тот период, когда стало ясно, что обстановка на фронтах складывается не в пользу фашистской Германии и намечился перелом в пользу Советского Союза, аргентинские власти, не столь уверенные в победе Гитлера, пошли на пятую, заигрывая с антифашистами.

— Возможно, — продолжал мой собеседник, — последнюю роль сыграло и то, что оркестром вызвался дирижировать Хуан Хосе Кастро, гордость национальной музыки, видный композитор, которого знали и за пределами страны. Автор лучших аргентинских опер (опера Кастро «Прозерпина и чужестранец», например, получила премию на конкурсе, объявленном миланским театром «Ла Скала»), он возглавлял симфонические оркестры Монтевидео, Гаваны, Мельбурна. Хуан Хосе Кастро гастролировал и как дирижер в странах Европы и Америки, выступая с лучшими музыкальными коллективами мира. Убеденный антифашист, он с самого начала поддерживал Советский Союз, активно участвовал в проводимых в стране кампаниях солидарности с советскими людьми. Он был также известен как популяризатор в Аргентине многих шедевров русской и советской

музыки: произведений Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Стравинского, Прокофьева. И когда появилась возможность исполнить Шостаковича в Буэнос-Айресе, он не мог упустить ее, взял на себя всю организационную работу, ну а власти не осмелились отказать ему.

— Что касается общественной оценки симфонии, то лучше всего об этом говорят рецензии, появившиеся по горячим следам, — с этими словами Россендо Рохас показывает мне, видимо, приготовленную к моему приходу папку. Открывает ее и достает пожелтевшую от времени газетную вырезку. «Вчерашнее исполнение «Ленинградской симфонии» было незабываемым событием», — под таким заголовком-шапкой столичная газета «Критика» публикует репортаж-рецензию. Чуть ниже более мелкими буквами набрано: «Ленинградская симфония» — великолепный гимн, прославляющий торжество гуманизма».

Думается, нет необходимости пересказывать содержание рецензии. Замечу только, что ее автор, аргентинский журналист Атилио Торраса, сравнивает Седьмую симфонию Шостаковича с Девятой симфонией Бетховена. «Посредством ярких музыкальных образов, — пишет он, — воссоздается эпопея города и в более широком плане — эпопея народа, чей созидательный мир нарушен вторжением механизированных полчищ, движущихся под леденящие кровь звуки агрессивного марша и стремящихся подмять под себя все».

К рассказу Россендо Рохаса добавлю, что аргентинские власти все-таки попытались уменьшить общественный резонанс от предстоящего исполнения «Ленинградской симфонии». Они не разрешили музыкантам выступать в театре «Колон», самом престижном зале аргентинской столицы. Однако эта маленькая хитрость не удалась. Во первых, 12 апреля 1943 года симфонию слушали не только в Буэнос-Айресе. Радиостанция «Бельграно» на свой страх и риск транслировала концерт на всю Аргентину, а через континентальную сеть радиостанций — на другие страны континента. «Буэнос-Айрес», писала в этой связи та же «Критика», превратился в эмоциональный центр Америки. Слушатели других стран желали услышать выдающуюся симфонию — ведь это была ее премьера в Южной Америке. Когда она разнеслась по волнам эфира из нашего города на весь Новый Свет, родилось ощущение: помыслы человечества едины независимо от географических координат тех или иных народов».

Анатолий
МЕДВЕДЕНКО.
(Корр. ИТАР — ТАСС).
БУЭНОС-АЙРЕС — МОСКВА.